

VALÉRIE TONG CUONG

Un tesson d'éternité

Belles

JCLattès

Валери Тонг Куонг Бей. Беги. Замри

Роман

Перевод с французского

BELLES LETTRES

Москва, 2025

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Т57

Переводчик МАРИЯ РОЖНОВА
Редактор ВАЛЕРИЯ ФРИДМАН

Тонг Куонг В.

Т57 Бей. Беги. Замри : [роман] / Валери Тонг Куонг ; Пер. с фр. — М. : Альпина Паблишер, 2025. — 248 с.

ISBN 978-5-9614-9662-8

На первый взгляд, у Анны Готье есть все, о чем можно мечтать: любимая семья, уютный дом, престижная работа, уважение окружающих. Но мир, который она старательно строила годами, рушится в одночасье, когда ее сын оказывается за решеткой накануне выпускных экзаменов. Пытаясь спасти своего ребенка, Анна противостоит судебной машине, но чем глубже она погружается в дело сына, тем больше призраков ее собственного прошлого встает на пути. Воспоминания, похороненные в глубинах памяти, грозят поглотить настоящее и ее саму. Сможет ли Анна отстоять то, что ей дорого, и чем обернется ее попытка противостоять обществу, показавшему свое истинное лицо? В этой захватывающей истории переплетены семейная драма, судебный триллер и глубокое исследование психологических травм, способных разрушить даже самую идеальную жизнь.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-9614-9662-8 (рус.)
ISBN 978-2-7096-6864-4 (фр.)

© Éditions Jean-Claude Lattès, 2021
© Фотография на обложке. Cavan Images / Getty Images
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина Паблишер», 2025

Эрику
и Анне

Отец, прошел целый год.
Опавшие листья
могильной плитой
Укрыли меня, мою плоть.
Осколок сияющий лета вонзился в меня
И остался.
Лишь единственной
Костью мятежной
Не мертва я. Жду.
Исчезнет тепло, и тогда
Лежать останусь в снегу.

*Одри Лорд**

* Одри Лорд (1934–1992) — американская поэтесса карибского происхождения. Здесь и далее — прим. пер.

Три года назад в аптеке произошел инцидент. Женщина, которую никто раньше тут не видел, украла тональный крем. Кража была мелкой, но все значительно усложнилось, когда Колин, провизор, женщину задержала. Та начала драться, оскорблять Колин, и Анна поспешила на помощь. Женщина клялась, что забыла поставить крем обратно на полку, возмущалась, что с ней обращаются как с воровкой, но, как ни странно, коробочку из рук не выпускала — продолжала сжимать ее побелевшими, будто обескровленными пальцами.

Схватка была короткой и яростной. В суматохе опрокинули стеллаж, из-за чего у Колин оказался сломан большой палец на левой ноге. С погрома и перелома все и началось. Если бы не это, Анна отчитала бы женщину и забрала крем. Но Колин была потрясена, травмирована и написала заявление в полицию.

На суде выяснилось, что аптечная воровка уже условно осуждена на четыре месяца — за умышленное причинение физического вреда. Условный срок тут же заменили реальным, выдали ордер на арест, и женщину взяли под стражу в зале суда — на глазах у Колин, Анны и нескольких постоянных посетителей аптеки.

Югó, муж Анны, в то время еще работал в местной редакции региональной газеты и писал о любом событии, имевшем хоть какое-то отношение к жизни их городка, — от несчастного случая, повлекшего гибель четырех молодых людей, слишком много выпивших на дискотеке, до открытия новой площадки для игры в петанк. На каждую заметку отводилось ровно четверть страницы, и это пространство непременно нужно было чем-то заполнить: рассказом о погубленных жизнях или репортажем о состязаниях пенсионерских триплетов* — информация, а вернее ее правильная подача, очень важны. Юго сплетал строки, заполняя пустоту, лишь бы не потерять колонку, так же, как мэрия занималась благоустройством дорог, лишь бы не лишиться субсидий. Однако на этот раз материал попался идеальный: интервью с Колин — в статье он называл ее «хрупким провизором» — и, что было еще лучше, с его собственной женой. Анна рассказала о странном предчувствии, которое возникло у нее, едва женщина с *бегающим* взглядом переступила порог аптеки.

На самом деле Анна узнала дешевую ткань платья, плохо пропечатанные цветочные узоры, неровные швы.

* В игре в петанк количественный состав команд может быть разным: от одного до трех человек. Игру один на один называют тет-а-тет, команду из двух человек — дуплет, из трех — триплет.

Узнала потерявшие форму ботинки и стоптанные подошвы. Узнала темные круги под глазами, отросшие седые корни тусклых волос. И, что важнее всего, она узнала неуверенность, свойственную тому, кто постоянно чувствует себя виноватым и твердо верит: что бы там в конституции ни говорилось, права, которыми обладает большинство сограждан, на него не распространяются. Этот набор тревожных сигналов пробудил к жизни ту часть Анны, которую она давно и наглухо замуровала у себя внутри, и привел ее к однозначному выводу. Но об этом она мужу говорить не стала. Можно было бы упрекнуть ее в том, что она упрощает картину мира, не вполне справедливо полагая, будто воровство всегда идет рука об руку с бедностью. Ведь на самом деле все гораздо сложнее... Но Анна не собиралась никому ничего объяснять.

Она просто сказала Юго: «Я сразу поняла: жди неприятностей».

* * *

Женщина долго стояла перед стеллажом с косметикой — брала коробочки, клала их обратно, выбирала другие... Это продолжалось бесконечно. А затем она внезапно направилась к выходу, держа в руке тональный крем. Анна подала Колин знак, чтобы та остановила посетительницу. В ее голову даже на долю секунды не закралось предположение, что женщина могла быть

поглощена своими мыслями, рассеянна или просто совершила оплошность. Факт, что та уже была осуждена за проявление насилия — а ведь это не шутки! — Анна сочла лишним подтверждением своей правоты.

Выходя из зала суда, Юго воскликнул: «Насильственные действия! Как может женщина так себя вести?»

Вечером он предложил открыть бутылку хорошего вина: в конце концов, они это заслужили.

В аптеке маленького городка, окруженного соснами и пропитанного сладковатым смолистым запахом, вновь воцарился покой. Анна постаралась выбросить происшествие из головы, но это было не так-то просто. Порой, когда она оставалась дома одна и любовалась из огромного эркера великолепным видом на море, перед ней посреди неба вдруг возникало окаменевшее лицо женщины, которую полицейские выводят из здания суда, — возникало снова и снова, как незаживающая рана.

Если бы Анне Готье по какой-либо причине пришлось в тот день подводить итоги своей жизни, она, вероятно, нарисовала бы ломаную линию, состоящую из трех отрезков. Первый символизировал бы ее детство и юность. При мысли об этом времени в голове у нее возникал отвратительный образ перекрученной толстой кишки. И живот действительно начинало крутить, когда она вспоминала жестокую и беспощадную борьбу, которую приходилось вести, чтобы выжить, и о том, как она научилась смотреть в лицо ужасу, прижигать раны и примерять свои первые маски. У нее все получилось. Она выбралась, извлекла себя *оттуда* — проявив немалое упорство и кое-чем пожертвовав, — когда поняла, что терять ей нечего.

Второй отрезок представлял бы ее молодость — начало взрослой жизни, студенческие годы, встречу с Юго, их брак и последовавшее за ним рождение Лео, работу в аптеке, обустройство дома. Иными словами — ее новую жизнь, которую она так кропотливо создавала, движимая яростным желанием подняться над собой прежней и воздвигнуть прочные стены между прошлым и настоящим. Именно тогда Анна впервые узнала вкус свободы — волнующий, но смутный, омраченный

сознанием того, что свободна она не полностью, ведь еще не все старые связи оборваны.

Поэтому третий отрезок ее жизни начинался бы после смерти матери, осенью 2007 года, через два года после того, как умер отец. Во время похорон, на опустевшем кладбище, вместе с глубокой болью утраты Анна почувствовала и огромное облегчение. Хорошили не только ее мать, но и того ребенка, того подростка, которым она, Анна, когда-то была. Опустившаяся на могилу плита погребла под собой призраки ее прошлого, навсегда заглушив их злобный смех. После похорон Анна отправилась в дом престарелых, чтобы уладить последние формальности. Ей выдали поношенную одежду, несколько статуэток ангелочков с наивными лицами, конверт с фотографиями, семейную книжку*, карточку медицинского страхования. Анна оставила себе только две фотографии родителей, остальное выбросила на улице в мусорный бак — так же, как когда-то выбросила толстую пачку своих дневников. Затем поспешила домой: на следующий день рано утром сын отправлялся в поездку, организованную школой, нужно было собрать его чемодан.

* Семейная книжка — официальный документ, который в некоторых странах вручается супругам при бракосочетании или при рождении первого ребенка. В семейную книжку вносят выдержки из актов о гражданском состоянии: свидетельства о браке, разводе, рождении детей, смерти.

Да, никаких сомнений, третий отрезок ее жизни начался после смерти матери — когда Анна похоронила свое прошлое — и продолжался одиннадцать лет. Свободное и счастливое время, несмотря на ошибки, происшествия и неудачи, сопровождающие течение любой человеческой жизни, — несмотря на увольнение Юго, на безуспешные попытки зачать еще одного ребенка, несмотря на острый перитонит Лео в 2013 году и на два его зуба, сломанных во время глупого падения на лыжах в 2015-м.

Одиннадцать лет и шесть месяцев — до тех майских выходных 2019 года.

Ветерок, дующий с моря, проскальзывает между оливковыми деревьями, ласкает олеандры и фиолетовые цветки лаванды. Анна ненадолго садится на каменный парапет и наслаждается мягким теплом, серебристыми бликами трепещущей листвы, кратким моментом одиночества. Она так и не привыкла к этой роскоши и каждое утро вновь и вновь обретает ее — как награду. А каждый вечер смывает здесь неприятности дня. Неприятностей, честно говоря, немного. Лео только что исполнилось восемнадцать лет, он готовится к выпускным экзаменам — не надрывается, но относится к ним довольно серьезно. Его дальнейший путь определен: он продолжится в солидном учебном заведении, где обучают цифровым профессиям, — зачисление уже подтверждено. Ничего лучше Анна и пожелать не могла: любимый сын будет работать в одной из немногих отраслей, будущее которых кажется гарантированным. Это убережет Лео от разочарований, которые пришлось пережить его отцу. Область, которой он себя посвятит, будет развиваться вместе с технологиями, и даже когда коды будут писать роботы, люди, разрабатывающие и программирующие их, останутся востребованы — по крайней мере, некоторое время.

Анна так и не решилась спросить сына, был ли выбор именно этого учебного заведения, а вместе с ним и надежного будущего связан с увольнением отца. Юго потерял работу, когда Лео перешел в предпоследний класс и начал задумываться о том, где хочет учиться после окончания школы. Новость об увольнении Юго распространилась как вирус — такова обратная сторона популярности. Юго знали все: почти у каждого он брал интервью, почти каждому чем-то помог, для кого-то находил информацию, кому-то доставал приглашение, ведь он посещал все спортивные и культурные мероприятия, частные и публичные церемонии. Он дружил с бизнесменами и полицейскими, пожарными и врачами, работниками мэрии и политиками, госслужащими и подрядчиками. И вдруг этот влиятельный, весомый, ценный человек превратился в растерянного безработного. Анна беспомощно наблюдала за тем, как менялось отношение окружающих к их семье, как усиливалась неловкость при встречах, как ослабевала сердечность приветствий. Давно забытое чувство стыда ударило ее, словно пощечина. Судьба вновь уготовила ей ловушку. К счастью, продолжалось это всего три месяца. Три месяца она жила как в бреду, борясь с накатывавшими волнами страха. Никогда не верившая ни в кого, кроме себя, каждую ночь она молилась о чуде. И ее молитвы были услышаны.

Журналистом Юго стал, можно сказать, случайно: летом 1998 года он оказался свидетелем аварии с участием катера, который взяли напрокат несколько игроков сборной Франции по футболу, только что впервые завоевавшей титул чемпиона мира. Юго наслаждался морской прогулкой с друзьями и как раз собирался сделать снимок фотоаппаратом Nikon, когда появившийся откуда ни возьмись катер, в котором сидели Марсель Десайи, Дидье Дешам и Ален Богоссян, разрубил пополам рыбацкую лодку. Юго, притиснувшись к видеоискателю, нажал на кнопку и сделал сенсационную фотографию: рыбаки с выпученными от ужаса глазами прыгают за борт, поднимая брызги пены. Юго только что получил художественное образование и мечтал посвятить себя фотографии, но ему уже отказали в нескольких галереях. То происшествие на море явилось для него чем-то вроде откровения: пусть он и не художник, зато лучше многих может подметить важную деталь, найти правильный ракурс, поймать необычное выражение лица. Один из его друзей хорошо знал главного редактора местной газеты и устроил им встречу. Несколько часов и одно рукопожатие спустя Юго подписал свой первый контракт.

Он был молод, журналистского удостоверения не имел, потому работал только в своем городке и его окрестностях, где ничем не рисковал, тем не менее всеобщее уважение и восхищение, которым до сих пор

пользуются журналисты, распространились и на него. Несмотря на скромную зарплату, его должности вкупе с великолепной виллой, которую оставил ему отец, сделавший состояние на импорте и экспорте, было достаточно, чтобы производить нужное впечатление. Жизнерадостный, умевший поддержать беседу, улыбчивый, Юго был неизменным гостем на всех вечеринках местной молодежи, а со временем — и на всех званных обедах и приемах. Везде он чувствовал себя как дома — неуязвимый, незаменимый, и казалось, что признание, которым он пользовался, никогда его не покинет. Признаков того, что мир меняется, он не замечал и буквально остоленел, когда главный редактор сообщил ему об увольнении: должность Юго сокращена, в отношении газеты возбуждено дело о финансовой несостоятельности. Отныне им придется довольствоваться фотографиями со смартфонов, которые читатели будут присылать в обмен на скидочные купоны. Удар был жестоким. Юго воспринял случившееся как личное оскорбление. Он попытался зарегистрироваться в центре занятости, но это оказалось суровым испытанием. Консультант убеждал Юго, что профессия репортера вымирает, предлагал сменить род деятельности — пройти обучение и поискать работу в сфере общественного питания или информационных технологий. Пережив потрясение и осознав, что ничего уже не исправить, Юго начал погружаться в депрессию: целыми днями сидел на террасе по-турецки, курил, уставившись в пустоту, одну

сигарету за другой или, наоборот, лихорадочно затевал какой-нибудь мелкий ремонт.

Спасение явилось через Анну — жена советника мэра по вопросам культуры сообщила ей о состоянии здоровья своего супруга: оно внезапно ухудшилось. Прочитав выписанный врачом рецепт, Анна поняла, что несчастного, страдающего тяжелой формой болезни Паркинсона, вскоре отправят на продолжительный больничный — возможно, он никогда уже не вернется к работе. Ее сердце забилось сильнее, она крепко обняла женщину. Она хорошо знала эту очаровательную шестидесятилетнюю пару, ей было искренне их жаль. Анна давала посетительнице ценные советы, тепло подбадривала, как любого из своих клиентов (за это ее и любили — за умение выслушать, утешить, взять за руку и будто завернуть в одеяло, сотканное из слов, нужных именно сейчас), но все это время какая-то часть ее мозга кипела, исследуя внезапно открывшиеся для Юго возможности. Культура! Лучшего и желать было нельзя: должность подходила ему как влитая и успокоила бы истерзанное эго. Конечно, нужно будет набраться знаний о том, как все устроено в администрации, но благодаря образованию, полученному в школе изящных искусств, и умению ладить с людьми он был идеальным кандидатом.

После обеда Анна оставила аптеку на Колин и поспешила домой, чтобы поделиться с Юго своим планом. Тот моментально вышел из летаргического сна, позвонил

мэру и предложил свои услуги, напомнив, что всегда был предан ему, и представив тысячу идей, подтверждающих ценность своей кандидатуры. Благосостояние Городка, как называли жители свой анклав, защищенный от бушующих в мире штормов, выросло в 1990-е годы благодаря резкому росту цен на недвижимость. Солидный бюджет администрации и финансовое благополучие жителей позволяли реализовать самые амбициозные проекты. Юго сыпал предложениями: можно было бы модернизировать медиатеку, запустить новые проекты, связанные с арт-терапией, выкупить старое аббатство и превратить его в многофункциональный концертный зал, организовать фестивали, привлечь к участию в них и весь регион, и министерство культуры. Убедить мэра, который и сам считал культурную политику Городка недостаточной и довольно посредственной, оказалось нетрудно. Он бы никогда не указал на дверь своему старому другу и коллеге, верному ему на протяжении двух десятилетий, но раз уж сама жизнь позаботилась об этом!.. Еще один плюс в пользу кандидатуры Юго заключался в том, что общественность на его счет была единодушна: никто не стал бы возражать против его назначения. Через неделю Юго получил официальное письмо о том, что он принят на работу. Так закончилась краткая история его увольнения. В дом вернулось хорошее настроение, Юго вновь обрел аппетит, а Анна — спокойный сон, и никто из них больше не упоминал об этом эпизоде.

Тишину сада вдруг нарушила трель дверного звонка. «Почему обязательно нужно явиться раньше времени?» — раздраженно думает Анна. Проверив, все ли в порядке на обеденном столе с видом на море, она просит Юго пойти встретить гостей. К ужину она не переоделась и не накружилась — как это обычно бывает, когда она возвращается с работы, независимо от того, ждут они гостей или нет. Нужно быстро загрузить стиральную машинку, приготовить еду — времени на себя никогда не хватает. Почти все в этом доме держится только на ней: покупки, составление меню и приготовление еды, уборка, уход за домом и стирка (правда, ей помогает уборщица шесть часов в неделю), сад, счета и квитанции, налоговые декларации, вызов сантехника.

Аликс заметила как-то — мол, кое-что можно было бы поручить мужу и сыну, но Анна ответила: «У меня выходит лучше», и так оно и было. Все эти дела ее успокаивают. Ей нравится, когда все под контролем. Под ее контролем. Такова цена, которую нужно платить, чтобы обеспечить главное: жизнь, которую она сама выбрала, сама построила — прекрасную виллу на холме, крепкую семью, репутацию, всеобщее уважение. Честно говоря, не так уж эта цена и высока. Нет, правда — ничего такого она в этом не видит. Одну только выгоду.

Анна встряхивает головой, приглаживает волосы, расправляет складки на платье, улыбается Юго и входящим

вслед за ним Аликс и Жерó. Она устала, но знает, что через мгновение силы вернутся. Чтобы почувствовать себя лучше, ей достаточно просто сидеть рядом с друзьями, любоваться вместе с ними красотой неба, исполованного оранжевыми перьями заката. Она слушает Юго, который блестяще ведет беседу — рассказывает о реконструкции аббатства, что близится к завершению, и поздравляет Жеро: в роскошном отеле, которым тот управляет, со дня открытия в апреле — ни одного свободного номера. Их пары похожи друг на друга: несовершенные, но крепкие. Они познакомились, когда Лео пошел в лицей*. В Городке был только колледж, и Лео отправили в лицей километрах в десяти от Городка, недалеко от моря. В начале нового учебного года директор традиционно собрал родителей во дворе — перед тем, как они с детьми разойдутся по классам послушать учителей. Все ожидали от него обычных приветственных слов, но не тут-то было. Оказалось, что один из учеников был жестоко избит и унижен. Такое, подчеркнул директор, категорически недопустимо и не должно повториться. Но если повторится, виновные будут исключены из школы. Пока директор напоминал о правилах хорошего поведения, кто-то громко возмутился: «Так

* Система школьного образования во Франции предусматривает элементарную школу (начальную), в которой учатся дети с 6 до 10 лет, колледж (средняя школа с обратной нумерацией классов: с шестого по третий) и лицей (старшая школа: второй, первый и выпускной классы).

вот до чего мы докатились?! Похоже, мальчиков теперь проще сразу кастрировать! Драки в раздевалках существуют с тех пор, как появились спортивные залы! Исключение из школы? А может, сразу на гильотину? Весь этот цирк из-за каких-то спущенных штанов?!»

Все взгляды обратились на высокого качка, небрежно одетого, с трехдневной щетиной, в фирменной рубашке поло и с высоко задранным подбородком. «Вот придурок, — подумала Анна. — Ах ты мерзкое дерьмо». Но тут появилась Аликс. Уверенно шагая на десятисантиметровых шпильках, она стремительно подошла к амбалу и, прежде чем он успел понять, что происходит, стянула с него брюки. А вместе с ними и трусы. Пораженные зрители увидели половину голого зада, жирного и волосатого, как у медведя. Тот тип просто взбесился. Он с рычанием бросился на Аликс, но добраться до нее не смог — другие родители ему помешали. Многие смеялись, а Аликс выкрикнула: «Весь этот цирк из-за спущенных штанов?»

Анна замерла от восхищения. Слова того мужчины вызвали у нее больше отвращения, чем у любого из присутствовавших. Но опасность, которую она сразу увидела в нем, вред, который он мог причинить, манера держаться, указывавшая на то, что он чувствовал себя хозяином положения, а вероятно, и был им, оказались сильнее отвращения. Аликс явно была воительницей по своей природе. А вот Анна — из тех, кто выжил: она осыпала его оскорблениями мысленно, молча.

Придя в класс Лео, она увидела, что Аликс тоже там и место рядом с ней свободно, — и почувствовала себя так, будто на нее снизошло благословение. Их дружба родилась там, в том классе, и оставалась нерушимой. Анна была уверена, что в юности Аликс была одной из тех высокомерных и избалованных девочек-подростков, которые всех сводят с ума и вертят мальчишками, как хотят, а те потом отыгрываются на других — застенчивых, невидимых, замкнутых. Но сцена в школьном дворе перевесила все остальное. Дав отпор тому мерзкому типу, Аликс стала в глазах Анны идеалом — отныне и навсегда.

* * *

Юго и Анна предложили мальчикам поужинать с ними. Они, как и Аликс с Жеро, всегда рады редкой возможности провести вечер с детьми. Общение с Лео и Тимом вносит свежую струю: они говорят о музыке, о новых приложениях, открывая взрослым доступ к верхушке айсберга меняющейся современности. Родители, все четверо, понимают, что в другую, гораздо более обширную часть жизни детей им входа нет. Некоторые области остаются неприкосновенными, а некоторые способы общения — недоступными для тех, кому больше двадцати пяти лет. Мальчишки пропадают целыми днями и вечерами, и никто не знает, где они и чем занимаются. Сначала Анна беспокоилась, но потом поняла,

что волнуется зря. Лео не из тех, кто переступает границы дозволенного, — это у него, похоже, от матери. Он держится за то, что имеет, — за свой образ жизни, за друзей и прогулки. «Наверняка ему случается выпить лишнего — как и всем в его возрасте, — думает она. — Но ничего ужасного тут нет».

На этот ужин мальчики приглашение отклонили. Они собирались встретиться после утренних занятий и провести день с друзьями, а потом отправиться на пляжную вечеринку. Анна знает, что ее сын влюблен. Догадалась, когда он стал причесываться по-новому, оценивая себя в зеркало в гостиной. В конце концов она не выдержала и прямо спросила. Ей хотелось, чтобы он знал, что может, если захочет, пригласить девушку домой. Она сказала: «Я доверяю твоему выбору». Сын улыбнулся и назвал *ее* имя — Ноэми.

* * *

— Кто-нибудь еще будет помидоры? — спрашивает Анна, протягивая гостям синюю фаянсовую салатницу.

— А что, Лео уже дома? — вдруг перебивает ее Аликс. — Я только что его видела.

Оттуда, где она сидит, видно дорожку, идущую от калитки к входу в дом.

Анна тоже удивлена ранним возвращением сына — еще только девять вечера, но гораздо больше удивлена тем, что Лео, обычно такой вежливый, не зашел

поздороваться. Она ставит салатницу на стол, встает, извиняется: нужно убедиться, все ли с сыном в порядке. Слегка встревоженная, она проходит через гостиную. Стараясь не бежать, поднимается по лестнице и стучит в дверь его комнаты.

— Лео? У тебя все в порядке? Вечеринку отменили?

— Все в порядке, — уверяет ее сын.

Но его голос звучит как-то не так. Никто, кроме Анны, этого не заметил бы.

— Можно войти?

— Все в порядке, мам. Просто хочу немного побыть один.

— Понимаю.

«Расстались, — думает Анна. — Или поссорились».

Она расстроена. Как не вовремя — ведь скоро экзамены.

Анна возвращается на террасу. Аликс, Жеро и Юго вопросительно смотрят на нее.

— Поссорился с девушкой.

Все дружно вздыхают.

— А у Тима есть девушка? — спрашивает Юго.

— Несколько, — хмыкает Жеро. — Это нормально, пока он не повзрослел...

— О, так с возрастом это проходит? Впервые слышу, — замечает Аликс.

За столом воцаряется неловкое молчание.

— Ну же, — говорит Анна, — кому еще помидоров?

Анна просыпается на рассвете, сон бежит от нее. Она собирается сделать апельсиновый сок, но соковыжималка глохнет. Небо затянуто тучами. Анна смотрит на облака, ищет, где вот-вот появится просвет. Солнце здесь непобедимо.

* * *

Позже Юго спускается к ней на кухню, стены которой отделаны португальским азулежу*. Он включает радио: ведущие обсуждают усугубляющийся кризис, растущие протесты, множющиеся митинги. Повсюду насилие. В тридцати километрах от их дома люди в масках забросали двор префектуры коктейлями Молотова, на главных улицах города погромщики оказали сопротивление полиции, в результате столкновений несколько человек были ранены — и протестующие, и полицейские.

Юго выключает радио.

— Нет, только не с утра пораньше. Да еще в воскресенье. Ради Бога.

* Декоративная плитка с пестрым орнаментом.

Он предлагает пообедать на свежем воздухе, в том ресторане на берегу, который обожает Лео: это его взбодрит.

Но Лео выходит из своей комнаты только для того, чтобы выпить кофе. Есть он не хочет. Говорит родителям, что у него полно дел, нужно готовиться к экзаменам, а он уже отстает от графика.

И запирается на ключ.

* * *

Анна разогревает остатки вчерашнего ужина.

— Могла бы что-нибудь приготовить, — ворчит Юго. — Не впадать же нам всем в депрессию, потому что у сына разбито сердце.

Анна убирает еду в холодильник, замешивает тесто. Она будет печь пиццу и сообщает об этом Лео, надеясь, что он тоже соблазнится.

Однако сын весь день сидит взаперти. Днем Анна предпринимает еще несколько попыток: уговаривает его подышать свежим воздухом, выйти хоть на несколько минут. Но из-за двери сначала доносится «Я занят», затем «Я отдыхаю».

А потом: «Можно наконец оставить меня в покое?»

И вообще, ему восемнадцать лет, он уже большой мальчик. Если ему что-нибудь понадобится, он с этим сам разберется.

— И он совершенно прав, — флегматично замечает Юго, когда Анна передает ему слова Лео. — Ты слишком с ним носишься. Перестань обращаться с ним как с ребенком.

Часов в семь вечера, убедившись, что родители лежат у бассейна, Лео выходит на кухню и делает себе простой бутерброд — ломтик ветчины, листик салата. Ни к остаткам пиццы, ни к шоколадным конфетам, которые принесли Аликс и Жеро, он не притрагивается. Сметает крошки со столешницы, тщательно моет раковину. И быстро поднимается к себе.

* * *

Несмотря на усталость, засыпает Анна с трудом. Она не хочет, чтобы Юго это заметил: он ненавидит, когда она вертится в постели. И Анна решает принять горячую ванну. Проходя мимо комнаты Лео, она замечает, что у него горит свет. Она колеблется: материнский инстинкт подсказывает, что в этот поздний час Лео откроет ей дверь, она сможет обнять его, успокоить. Он поговорит с ней.

Но тут она вспоминает слова Юго и отменяет эту мысль.